
АННА ШОУ
13
ТРИНАДЦАТЫЙ ДОМ
АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ УЖАС
18+

Анна Шоу

Астрологический Ужас. Тринадцатый Дом

«Автор»
2026

Шоу А.

Астрологический Ужас. Тринадцатый Дом / А. Шоу — «Автор», 2026

Переезжая после тяжелого развода в дешевую съемную однушку на окраине города, астролог Нина Волкова знала, что прежняя хозяйка квартиры умерла в этих стенах в полном одиночестве. Она одного не учла, что некоторые двери после смерти старых владельцев остаются приоткрытыми. Все начинается с удушающего ночного пробуждения ровно в три часа сорок семь минут, когда в запертой изнутри спальне кто-то мокрый и ледяной дышит ей прямо в затылок, оставляя на паркете следы жирной кладбищенской глины. А наутро к Нине приходит доведенная до безумия клиентка, которая нашла в своем почтовом ящике странный гороскоп, начертанный запекшейся кровью на старой желтой бумаге. В центре чертежа чернеет запретный знак Тринадцатого дома, отсчитывающий ровно трое суток до минуты, когда за человеком придут из темноты. Нина пытается спасти клиентку, еще не догадываясь, что ночной гость за ее дверью ищет вовсе не чужую смерть, а новое живое тело.

© Шоу А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Анна Шоу
Астрологический Ужас. Тринадцатый Дом

Глава 1

Ноябрьский дождь стучал по жестяному карнизу с такой монотонной безнадежностью, словно за окном седьмого этажа больше не осталось ни города, ни неба, а простиралась лишь бесконечная ледяная хлябь. Нина проснулась оттого, что в спальне внезапно перестал работать холодильник на кухне, чей привычный дребезжащий гул всю ночь баюкал ее тревожный сон. Наступившая тишина оказалась неестественно плотной и вязкой, будто уши заложило ватой на большой глубине, когда вокруг давит толща темной стоячей воды.

Она попыталась повернуться на другой бок и натянуть одеяло до самого подбородка, потому что по пояснице и плечам вдруг пополз неприятный подвальный сквозняк, однако собственное тело отказалось ей подчиняться. Руки лежали поверх матраса словно налитые свинцом чужие конечности, а грудную клетку сдавило такой тяжелой плитой, что каждый вдох давался с мучительным усилием и не приносил облегчения. Нина хорошо знала это состояние, которое врачи называли сонным параличом и списывали на нервное истощение после тяжелого развода, но в эту ночь липкий животный ужас сковал ее задолго до того, как разум успел подобрать хоть какое-то разумное объяснение происходящему.

Глаза ее были полуоткрыты, и сквозь неподвижные ресницы она видела тусклую полоску желтоватого света от уличного фонаря, которая падала сквозь щель между дешевыми занавесками на вздувшийся старый паркет. Комната оставалась прежней, с ее выцветшими обоями в мелкий цветочек и громоздким полированным шкафом, доставшимся от прежней хозяйки, но в самом воздухе появилось нечто чужеродное. Пахло вовсе не пылью съемного жилья и не хлоркой, которой Нина три недели назад до кровавых мозолей отмывала полы при заселении. В узкую спальню медленно втекал густой и сладковатый дух прелой осенней листвы, перемешанный с запахом жирной черной глины, какой бывает только на старых раскопанных кладбищах после затяжных затяжных дождей.

Нина хотела позвать на помощь или хотя бы застонать, чтобы сбросить с себя это давящее оцепенение, но распухший язык неподвижно лежал во рту, а пересохшее горло свело ледяной судорогой. И в следующую секунду она поняла, что находится в запертой квартире не одна.

Прямо за изголовьем ее тахты, в том узком промежутке между деревянной спинкой и отсыревшей бетонной стеной, куда не поместился бы даже ребенок, кто-то стоял. Она не могла повернуть голову, чтобы разглядеть ночного гостя, но каждой клеточкой похолодевшей кожи ощущала чужую высокую фигуру, которая возвышалась над подушкой и медленно наклонялась к ее лицу. От этого существа не шло ни малейшего человеческого тепла, а исходил лишь пробирающий до костей могильный холод, от которого волоски на затылке Нины встали дыбом.

Раздался тихий и влажный звук, похожий на то, как в темноте с трудом разлепляются посиневшие мертвые губы. Существо над ее головой сделало долгий судорожный вдох, и в его груди что-то глухо забулькало, словно легкие пришельца были до половины залиты грязной болотной жижей.

Затем струя ледяного и зловонного воздуха коснулась ее обнаженной шеи прямо под затылком, заставив кожу покрыться крупной гусиной сыпью. Кто-то невидимый стоял так близко, что Нина чувствовала исходящую от него сырость промокшей насквозь старой ткани, словно этот незваный гость только что выбрался из глубокой ямы под проливным дождем и теперь молча разглядывал ее беззащитное темечко. Сердце колотилось о ребра с такой беше-

ной силой, что его глухие удары отдавались в висках болезненным звоном, а в уголках застывших глаз выступили горячие слезы беспомощности.

В полумраке раздался сухой хруст, будто в тишине комнаты медленно разогнулись закостеневшие от стужи пальцы. Из темноты за изголовьем выплыла длинная сероватая тень, и в следующее мгновение к правой щеке Нины прижалось что-то мокрое и невероятно холодное, напоминающее пролежавшую в погребе мертвую плоть. Чужая подушечка пальца, шершавая от налипшего песка и мелких комьев земли, с пугающей нежностью провела по ее скуле вниз к самому подбородку, оставляя на разгоряченной коже липкую грязную борозду.

Нина рванулась всем существом внутри собственной неподвижной оболочки, пытаясь вытолкнуть из сдавленной гортани хоть один звук, и в тот же миг прямо над ее ухом прошелестел сиплый захлебывающийся шепот, в котором едва угадывалось человеческое слово. Голос произнес ее имя так тихо и утробно, словно звук поднимался со дна глубокого заброшенного колодца, заваленного гнилым тряпьем.

Невидимая плита на груди разом треснула и рассыпалась. Нина судорожно втянула ртом воздух и с хриплым вскриком подскочила на матрасе, вслепую ударив ладонью по плафону прикроватного ночника на тумбочке.

Тусклая лампочка вспыхнула желтым светом, мгновенно разгоняя тени по углам тесной комнаты. Нина забилась спиной в угол между стеной и спинкой тахты, прижимая к груди скомканное одеяло и дико озираясь по сторонам. В спальне никого не было. Между деревянным изголовьем и кривой бетонной стеной виднелась лишь узкая пыльная щель шириной в ладонь, куда при всем желании не смогло бы протиснуться живое существо.

Однако на электронных часах, стоявших возле светильника, зеленые цифры показывали ровно три часа сорок семь минут, а в комнате стоял такой лютый могильный холод, что изо рта Нины при каждом прерывистом выдохе вырывалось заметное облачко белого пара. Она медленно подняла дрожащую руку и коснулась своей правой щеки. Пальцы тут же ощутили влажную холодную слизь, а когда она отняла ладонь от лица и поднесла ее к самому свету, то увидела на коже черные крупинки жирной земли.

Это не было игрой воспаленного воображения и не могло оказаться остатком дурного сна. Нина осторожно спустила босые ноги с кровати, боясь наступить на ледяной пол, и тут ее взгляд упал на потертый паркет прямо возле прикроватного коврика.

На выцветшем дереве темнел отчетливый мокрый след большого босого ступни, отпечатавшийся густой кладбищенской глиной вперемешку с тонкими бурыми травинками. Рядом с первым отпечатком виднелся второй, чуть более размытый, а дальше цепочка грязных влажных пятен вела через всю комнату к распахнутой двери в темный узкий коридор.

Забыв про тапочки и кутаясь в тонкий махровый халат, Нина на подгибающихся ногах вышла в прихожую и щелкнула выключателем. Лампочка под потолком привычно замигала с противным электрическим гулом, освещая убогую обстановку съемной однушки, куда Нина перебралась месяц назад после того, как бывший муж выставил ее из их общей благоустроенной квартиры ради молодой беременной любовницы. Тогда ей казалось, что страшнее того позора и одиночества в ее тридцать четыре года уже ничего случиться не может, а дешевое жилье на седьмом этаже старой панельной девятиэтажки представлялось тихим убежищем, хотя риелтор честно предупредил о смерти прежней престарелой хозяйки в этих стенах.

Сейчас же эта квартира казалась ей захлопнувшейся мышеловкой. Грязные следы тянулись по старому линолеуму прихожей и обрывались вплотную у входной двери, обитой потрескавшимся коричневым дерматином. Нина подошла ближе, зажимая ладонью рот, чтобы не закричать от подступающей к горлу истерики, и проверила замки. Нижний английский замок был повернут на два оборота, верхняя тяжелая задвижка оставалась запертой до упора, а массивная стальная цепочка мирно висела в своем пазу, так что снаружи в квартиру не смогла бы проскользнуть даже тень.

Тот, кто стоял ночью у ее изголовья и трогал ее лицо мокрыми от глины пальцами, никуда не выходил через эту дверь, а просто растворился перед самой замочной скважиной, оставив после себя лишь тяжелый запах сырой ямы.

До самого рассвета Нина так и не решилась погасить свет или вернуться в холодную постель. Она на коленях ползала по прихожей с тазом горячей воды и старой тряпкой, яростно оттирая черные пятна с линолеума и паркета, причем жирная глина никак не хотела смываться с первого раза и размазывалась по полу маслянистыми темными разводами. Вода в тазу быстро стала черной и ледяной, от нее несло затхлой тиной, и когда Нина выливала эту мутную жижу в унитаз, ей показалось, что на дне фаянсовой чаши среди грязной пены мелькнул крошечный белесый корешок какого-то подземного растения.

Потом она долго стояла под почти кипящими струями воды в тесной ванной комнате, пытаясь смыть с правой щеки фантомное ощущение чужого мертвого прикосновения. Кожа на скуле горела огнем от жесткой мочалки, но внутренний озноб так и не проходил, гнездясь где-то глубоко под ребрами. Выбравшись из душевой кабинки и вытерев запотевшее зеркало над раковиной краем полотенца, Нина наклонилась ближе к мутному стеклу, чтобы осмотреть раскрасневшееся лицо, и внезапно замерла.

На серо-зеленой радужке ее левого глаза, чуть ниже зрачка, появилось странное темное пятнышко, которого совершенно точно не было вчера вечером. Она включила дополнительную лампу над зеркалом и оттянула нижнее веко дрожащими пальцами. Пятнышко вовсе не походило на обычную пигментную точку или лопнувший от бессонницы сосуд, потому что при близком рассмотрении оно имело форму крошечной угольно-черной зазубрины, словно кто-то кончиком тончайшей иглы процарапал живую ткань глаза изнутри. В самом глазу не чувствовалось боли, лишь легкое неприятное давление, будто за глазным яблоком в глубине черепа набухала капля ледяной воды.

Утро выдалось таким же серым и беспросветным, как и минувшая ночь. Свинцовые тучи лежали прямо на крышах соседних многоэтажек, а внизу во дворе-колодце ветер гонял по мокрому асфальту почерневшие листья. Нина сидела за кухонным столом, обхватив ладонями горячую кружку с крепким кофе без сахара, и смотрела на экран открытого ноутбука, где светилось окно астрологической программы.

Астрология оставалась единственным делом, которое кормило ее в последние годы и одновременно спасало рассудок от окончательного распада. В отличие от людей, которые умели лгать в глаза и предавать в самый неожиданный момент, движение планет по градусам эклиптики подчинялось строгим и неумолимым законам, где каждое событие имело свою точную причину и свой неизбежный час. Однако сегодня привычные линии домов и значки аспектов на мониторе расплывались перед глазами, а левое веко то и дело мелко подергивалось, напоминая о черной зазубрине на радужке.

Телефон на краю клеенчатой скатерти внезапно зашелся резкой вибрацией, заставив Нину вздрогнуть так сильно, что темный кофе выплеснулся ей на запястье. Звонила Марина Ветрова, давняя клиентка, которой Нина еще прошлой весной составляла обычный годовой прогноз на работу и личную жизнь. Тогда Марина запомнилась ей как вполне благополучная, ухоженная и немного шумная женщина лет сорока, работавшая главным бухгалтером в крупной торговой фирме и любившая поговорить о пустяках.

Но когда Нина провела пальцем по экрану и прижала трубку к уху, из динамика вместо знакомого бодрого голоса донесся какой-то надтреснутый, захлебывающийся от ужаса скулеж, перемежаемый тяжелой одышкой.

— Нина, ради всего святого, только не кладите трубку, я уже стою внизу у вашего подъезда, — заговорила Марина так быстро и бессвязно, словно за ее спиной кто-то гнался по пятам с занесенным ножом. — Я знаю, что мы не договаривались заранее, и я заплачу вам любые

деньги, какие скажете, только пустите меня к себе прямо сейчас, потому что если я останусь одна еще хотя бы на час, мое сердце просто разорвется.

— Марина, успокойтесь, на вас лица нет по голосу, что у вас стряслось в такую рань, — растерянно произнесла Нина, поднимаясь со стула и подходя к кухонному окну, выходившему во двор.

Сквозь пелену мелкого дождя она увидела внизу на детской площадке возле ржавых качелей одинокую женскую фигуру в длинном сером пальто. Женщина стояла под голыми ветвями тополя без зонта, неестественно втянув голову в плечи и прижимая к животу большую кожаную сумку, причем она то и дело судорожно оглядывалась на темную арку между домами, будто ждала оттуда удара.

— Мне подбросили черную метку, Нина, мне прислали мою собственную смерть по минутам, — прошептала Марина в трубку, и в этот момент она подняла залитое дождем лицо прямо к окнам седьмого этажа, отчего у Нины внутри все оборвалось от дурного предчувствия. — Пустите меня скорее, иначе оно поднимется по лестнице вслед за мной.

Глава 2

Когда через пять минут Нина отперла замки и приоткрыла входную дверь, стоявшая на лестничной площадке женщина буквально ввалилась в узкую прихожую, едва не сбив хозяйку с ног. Марина тут же развернулась и собственными трясущимися руками захлопнула за собой дверь, с лихорадочным лязгом задвигая засов и накидывая стальную цепочку, после чего бессильно привалилась мокрой спиной к коричневому дерматину.

В тусклом свете коридорной лампочки Нина с трудом узнала в этой изможденной старухе ту цветущую и уверенную в себе женщину, которая приходила к ней полгода назад. Лицо Марины приобрело землисто-серый оттенок разбавленного мела, под воспаленными глазами залегли глубокие фиолетовые провалы, а некогда аккуратно уложенные каштановые волосы свисали вдоль щек сальными спутанными прядями, обильно тронутыми свежей сединой у самых корней. Но страшнее всего выглядел ее рот, потому что нижняя губа гостьи была искусана в сплошное кровавое месиво с запекшимися черными корками, словно она сутками напролет грызла собственную плоть, чтобы не закричать во весь голос.

От промокшего пальто Марины разило вовсе не осенним дождем и не привычными дорогими духами. От нее шел тяжелый, удушливый запах прокисшего пота, немытого тела и того самого липкого животного ужаса, которым пахнет скотина перед тем, как ей перережут горло на скотобойне.

— У вас здесь тоже холодно, совсем как у меня в коридоре, — стуча зубами, пробормотала Марина и затравленно покосилась на темные углы прихожей под потолком. — Снимите пальто, идемте на кухню, я сейчас поставлю чайник и накапаю вам пустырника, — тихо ответила Нина, стараясь сохранять в голосе твердость, хотя при виде чужого безумия внутри у нее самой снова шевельнулся ночной могильный холод.

Марина отрицательно замотала головой, не соглашаясь снимать мокрое пальто, и прошла на маленькую кухню прямо в уличных сапогах, оставляя на только что вымытом линолеуме грязные лужицы. Она тяжело опустилась на табурет в самом дальнем от окна углу, прижала колени к груди и положила перед собой на клеенку распухшую кожаную сумку. Пока Нина наливала воду в электрический чайник, в тишине кухни раздалось странное глухое урчание, совершенно не похожее на обычный звук голодного желудка.

Нина невольно обернулась и увидела то, от чего ее пальцы на ручке чайника мгновенно онемели. Марина сидела, запрокинув голову к стене и судорожно вцепившись ногтями в края табурета, а под тонкой шерстяной водолазкой в области ее живота и нижних ребер перекатывался какой-то плотный неестественный бугор, будто внутри ее брюшной полости что-то тяжелое и чужое медленно меняло свое положение, раздвигая внутренние органы. Судорога поднялась выше к ключицам, под кожей на худой шее Марины вздулся синеватый желвак, женщина глухо всхлипнула, с усилием сглотнула вязкую слюну, и странное движение под одеждой тут же прекратилось.

— Врачи сказали, что это просто нервные спазмы диафрагмы на фоне бессонницы, — сипло выдохнула Марина, перехватив расширенный от ужаса взгляд Нины, и криво усмехнулась разбитыми губами. — Я вчера ходила в платную клинику, делала снимок, и там на экране все было чисто, вот только по ночам мне кажется, что внутри меня уже освобождают место под что-то другое.

Она расстегнула дрожащими пальцами молнию своей сумки и достала оттуда свернутый вчетверо лист необычно плотной, пожелтевшей от времени бумаги, края которой выглядели неровными и слегка подгнившими, словно этот лист долго пролежал в сыром подвале. Марина осторожно положила бумагу на середину кухонного стола и быстро отдернула руку, будто прикасалась к раскаленному железу или ядовитой гадине.

— Я нашла это позавчера утром в своем почтовом ящике на первом этаже, — зашептала Марина, подавшись вперед и глядя Нине прямо в переносицу немигающими, залитыми желтизной глазами. — Никакого конверта не было, ни марки, ни обратного адреса, просто голый сложенный лист, который лежал поверх рекламных газет, и от него еще тогда воняло мокрой землей. Посмотрите сами, ведь вы же разбираетесь в этих чертовых знаках, скажите мне, что это чей-то больной розыгрыш.

Нина медленно подошла к столу, преодолевая внезапный приступ тошноты, и кончиками пальцев развернула плотный лист. В нос тут же ударил до боли знакомый по сегодняшней ночи сладковато-гнилостный дух прелой листвы и жирной кладбищенской глины, от которого закружилась голова.

Бумага на ощупь казалась странно тяжелой, чуть влажной и шершавой, напоминающей выделанную старую кожу. На внутренней стороне листа без всякой линейки и циркуля, но с пугающей геометрической точностью был начертан астрологический круг натальной карты. Линии не были напечатаны на принтере или выведены обычной шариковой ручкой. Весь чертеж был нанесен каким-то грубым расщепленным пером, которое обмакивали в густую буро-коричневую жидкость, засохшую на бумаге неровными запекшимися корками и местами потрескавшуюся, точно старая венозная кровь, смешанная с болотной ржавчиной.

Нина перевела взгляд на экран своего ноутбука, где в базе данных все еще хранилась карта Марины Ветровой, родившейся четырнадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года в три часа двадцать минут ночи. Ей понадобилось всего несколько секунд, чтобы сверить градусы куспидов и положение планет, после чего по ее спине пробежал ледяной муравейник.

Неизвестный автор кровавого чертежа знал точное время рождения Марины до единой секунды, причем расчеты были выполнены вручную по какой-то древней, давно вышедшей из употребления системе домов, но с такой безошибочной математической жестокостью, какая не снилась ни одной современной компьютерной программе. На бумажном круге особо жирной бурой чертой был выделен сектор Восьмого дома, традиционного дома физической смерти, тяжелых мучений и потустороннего вторжения. Прямо сейчас по этому сектору шел разрушительный транзит черной Луны в мертвой связке с ретроградным Марсом, образуя идеальную астрологическую брешь, когда защитная оболочка человеческой судьбы истончается до предела и превращается в открытую настежь дверь.

Однако самое страшное находилось не в секторе Восьмого дома. В самом центре круга, там, где на обычных картах оставляют пустое место или пишут имя человека, густой черной жижей была выведена неправильная ломаная спираль, уходящая витками внутрь бумаги. А между двенадцатым и первым домами, ровно на границе предрассветного мрака, круг был насильственно разорван двумя косыми линиями, образующими узкий клиновидный проход в никуда, помеченный незнакомым угловатым символом, похожим на распахнутую челюсть или кривую лестницу, ведущую под землю.

Чем дольше Нина всматривалась в эту бурую спираль в центре листа, тем сильнее начинало ломить ее левый глаз, словно черная зазубрина на ее собственной радужке отзывалась на этот рисунок глухой пульсацией. Линии на бумаге вдруг показались ей живыми и шевелящимися, будто под верхним слоем целлюлозы копошились мелкие темные черви.

— Переверните лист и прочитайте то, что написано сзади, — глухо потребовала Марина, не отрывая взгляда от побелевшего лица Нины.

Трясущимися пальцами Нина перевернула тяжелую бумагу обратной стороной. Там тем же рваным, летящим почерком, глубоко продавившим волокна листа острым пером, были выведены всего несколько строчек без единой заглавной буквы и без знаков препинания. В тексте говорилось о том, что двенадцать домов принадлежат живым, но когда наступает час открытого транзита в Восьмом доме, отворяется щель Тринадцатого дома, откуда приходит

голод, чтобы забрать чужое тепло и доносить чужую плоть, и что за Мариной придут ровно в четыре часа семнадцать минут утра на третьи сутки после получения метки.

— Третьи сутки истекают сегодня ночью, завтра под утро в четыре семнадцать, — прошептала Марина, и по ее впалым немытым щекам беззвучно покатились крупные мутные слезы, попадая в ранки на искусанных губах. — Первую ночь, когда я принесла эту дрянь домой и бросила на комод, я проснулась в три сорок семь оттого, что в комнате стало холодно как в склепе, а за моей входной дверью на лестнице кто-то стоял. У меня хорошая стальная дверь с глазком, Нина, я на цыпочках подошла и посмотрела в глазок, хотя на площадке горел свет. Там никого не было видно, пустая бетонная стена и двери лифта, но в двух сантиметрах от моего лица с той стороны железа кто-то тяжело и мокро дышал прямо в замочную скважину, а потом начал медленно водить сломанными ногтями по обшивке сверху вниз.

У Нины перехватило дыхание, потому что время ночного пробуждения клиентки до минуты совпало с тем моментом, когда она сама сегодня ночью очнулась от сонного паралича в своей спальне.

— А прошлой ночью оно уже не просто стояло на лестнице, — продолжала Марина, раскачиваясь на табурете взад и вперед, как маятник, и сжимая кулаки у горла. — Прошлой ночью в три сорок семь дверная ручка сама по себе начала опускаться до упора, замки щелкали так, будто в них поворачивали невидимую отмычку, а из-под порога в мою прихожую поползла черная мокрая грязь, воняющая старым кладбищем. Оно звало меня из-за двери моим собственным голосом, Нина, оно просило впустить его погреться, потому что под землей слишком сыро и тесно, а когда я утром открыла дверь, весь коврик снаружи был затоптан чьими-то голыми грязными ногами.

— Почему вы не вызвали полицию, почему не уехали ночевать к родственникам или в гостиницу, — с трудом выговорила Нина, чувствуя, как холодный пот струится по ее позвоночнику под домашним халатом.

— Я вчера сняла номер в гостинице на другом конце города и никому об этом не сказала, — с безнадежной, мертвой улыбкой ответила Марина, поднимая на нее безумные глаза. — Я заперлась на десятом этаже, легла в кровать при полном свете, а ровно в три сорок семь все лампы в номере погасли до единой, и кто-то мокрый и ледяной начал скрестись в мою дверь уже из гостиничного коридора. От этого нельзя спрятаться за стенами, потому что оно идет не по адресу в паспорте, оно идет по этой проклятой карте, по минутам моего рождения, как поезд по рельсам.

Марина вдруг резко подалась через стол, схватила Нину своей ледяной, влажной от пота рукой за запястье с такой нечеловеческой силой, что кости жалобно хрустнули, и впилась взглядом в ее лицо.

— Вы ведь астролог, вы знаете эти расчеты, так закройте эту дверь в моей карте, пересчитайте градусы, сделайте хоть что-нибудь, чтобы оно прошло мимо меня сегодня ночью, — задохнулась она, брызгая слюной с розовой кровью на клеенку.

Нина попыталась высвободить руку из железного захвата обезумевшей женщины, глядя то на экран ноутбука, где неумолимые показатели транзита складывались в идеальную петлю смерти ровно к четырем часам семнадцати минутам грядущего утра, то на бурую спираль посреди пожелтевшего листа. Она понимала, что никакими расчетами нельзя остановить движение планет по небу, точно так же как нельзя уговорить падающий с крыши камень зависнуть в воздухе.

Но в тот миг, когда Нина наклонилась ближе к Марине, чтобы отцепить ее скрюченные пальцы от своей руки, гостья внезапно осеклась на полуслове, перестала трястись и странно, совсем по-птичьи склонила голову набок, пристально вглядываясь в левый глаз Нины. Безумие на ее сером лице на секунду сменилось выражением леденящего, почти осмысленного узнавания.

— А ведь мне вы уже ничем не поможете, Нина, — вдруг совершенно спокойным, треснувшим и чужим голосом произнесла Марина, медленно разжимая пальцы и пятясь к выходу из кухни. — Вы не сможете закрыть эту щель для меня, потому что черная спираль уже пустила корешок в вашем собственном глазу, просто вы сами еще не вспомнили, откуда у вас в доме взялась эта бумага.

Не дожидаясь ответа и оставив зловещий пожелтевший лист лежать посреди кухонного стола, Марина рывком выскочила в прихожую, с грохотом отбросила засов и выбежала на темную лестничную площадку, оставив Нину одну в квартире, пропитанной запахом сырой могильной глины и приближающейся беды.

Глава 3

Хлопок тяжелой входной двери отозвался в ушах Нины глухим пушечным ударом, после чего за бетонной стеной еще несколько секунд слышался торопливый топот каблуков Марины, сбегавшей вниз по лестнице мимо лифта. Нина так и осталась стоять посреди тесной кухни, прижимая левую ладонь к правому запястью, где на бледной коже быстро наливались синевой четыре глубокие вмятины от чужих ногтей.

Последние слова обезумевшей клиентки продолжали звучать в тишине комнаты, словно они въелись в сырую побелку потолка. Нина медленно перевела взгляд на кухонный стол, где рядом с остывшей кружкой кофе лежал развернутый желтоватый лист с бурым астрологическим кругом и черной спиралью посередине. Ей вдруг до физической дурноты захотелось схватить эту проклятую бумагу кухонными щипцами, выбежать на лестничную клетку и сбросить ее в черную пасть мусоропровода или сжечь над газовой конфоркой до последнего пепла.

Она сделала шаг к столу и протянула руку, однако пальцы остановились в полувершке от шершавого края. От бумаги веяло таким ощутимым могильным холодом, будто под тонким слоем старой целлюлозы зияла бездонная прорубь с ледяной водой, а черные витки спирали в центре чертежа казались влажными и маслянистыми, словно их вывели не засохшими чернилами, а свежей сукровицей только что забитого животного. Нина побоялась снова коснуться этого листа голыми руками, поэтому она просто накрыла его сверху тяжелой фаянсовой тарелкой, надеясь придавить и сам рисунок, и исходящий от него сладковатый трупный душок.

Короткий ноябрьский день за окном угасал стремительно, растворяясь в густых сизых сумерках, которые к пяти часам вечера окончательно поглотили серые коробки соседних девятиэтажек. Дождь сменился мелкой ледяной крупой, сухо шелестевшей по стеклу. Нина обошла свою крошечную квартиру, зажигая верхний свет и настольные лампы в каждом углу, потому что любая тень возле шкафа или под умывальником теперь вызывала у нее мучительный спазм в животе.

Вернувшись за ноутбук, она попыталась заставить себя трезво проанализировать карту Марины Ветровой, надеясь отыскать в собственных расчетах хоть какую-то лазейку или спасительную погрешность. Однако чем глубже она погружалась в сплетение транзитных линий на экране, тем яснее понимала, что перед ней выстроилась безупречная геометрическая западня.

За годы практики Нина не раз сталкивалась с тяжелыми гороскопами людей, переживавших страшные аварии или внезапные болезни, и она прекрасно знала, что астрология не имеет ничего общего с бульварными сказками про далекие созвездия. Дата и секунда первого вдоха младенца отпечатывались на невидимой оболочке человека как сложный кодовый замок, который надежно защищал живую душу от той голодной изнанки мира, что всегда таилась за пределами человеческого зрения. Но раз в несколько десятилетий движение тяжелых планет поворачивало этот невидимый механизм в обратную сторону, отпирая все внутренние засовы разом.

Сегодня ночью, ровно в четыре часа семнадцать минут утра, защитная оболочка Марины Ветровой должна была истончиться до полной прозрачности. В этот короткий промежуток времени человек становился похожим на пустой дом среди ночного поля, в котором настежь распахнули все двери и ставни, погасили очаг и оставили беззащитного хозяина лежать со связанными руками на пороге перед лицом любой нечисти, бродящей во мраке.

Нина потерла пальцами уставшую переносицу и невольно достала из кармана халата маленькое круглое зеркальце. Приблизив стекло к самому лицу под светом настольной лампы, она оттянула нижнее веко левого глаза и похолодела еще сильнее. Утренняя черная точка на серо-зеленой радужке за прошедшие часы вытянулась в тонкую извилистую ниточку, напоминающую крошечную трещину на фарфоре или черный корешок, который медленно прорастал

от края зрачка к белку. Глаз при этом не краснел и не слезился, но внутри глазницы ворочалась тупая, распирающая тяжесть, мешавшая полностью сомкнуть веки.

Ближе к полуночи квартира начала стремительно выстывать. Чугунные батареи под подоконником оставались горячими на ощупь, обжигая ладони, но их тепло почему-то не шло в комнату, словно невидимый подвальный сквозняк выдувал живой дух сквозь малейшие щели в бетонных плитах. Нина надела поверх домашнего костюма два толстых шерстяных свитера и теплые носки, забралась с ногами на тахту в комнате и положила рядом с собой заряженный мобильный телефон, не сводя воспаленных глаз с электронных часов на тумбочке.

Спать она не собиралась ни при каких обстоятельствах, понимая, что если позволит себе закрыть глаза хотя бы на минуту, вчерашнее ночное оцепенение вернется и она снова окажется беззащитной куклой перед тем, кто оставлял на паркете следы жирной глины.

В третьем часу ночи дом вокруг нее окончательно вымер. За тонкими панельными перекрытиями больше не гудел водопровод, перестали бубнить чужие телевизоры и стих гул редких машин на мокрой дороге за двором. И в этой вязкой, звонкой тишине старая квартира начала издавать звуки, от которых у Нины пересохло во рту.

Сначала шум послышался из маленькой кухни, дверь в которую оставалась открытой. Высоко под самым потолком, где в бетонной стене чернела старая чугунная решетка вентиляционной шахты, затянутая вековой жирной паутиной, раздался тихий скрежет, словно кто-то провел по ржавому металлу изнутри твердым обломанным ногтем. Нина замерла на тахте, вцепившись пальцами в край пледа и боясь даже сглотнуть слюну.

Спустя несколько секунд из узкого черного жерла вентиляции донеслось приглушенное, влажное бормотание. Это не было завыванием осеннего ветра в трубе и не походило на возню голубей на чердаке, потому что в глухом захлебывающемся шепоте отчетливо различалась интонация человеческой речи, только слова звучали задом наперед или на каком-то вывернутом, гортанном наречии. Казалось, будто по ту сторону чугунной решетки в узком вертикальном колодце застрял кто-то огромный и склизкий, кто прижался мокрыми губами вплотную к железным прутьям и торопливо наговаривал в пустую кухню бесконечное злобное проклятие.

Нина медленно подтянула колени к самому подбородку, чувствуя, как по коже под двумя свитерами ползут ледяные мурашки, а сердце бьется где-то в самом горле, мешая дышать. Она хотела закричать, чтобы спугнуть это наваждение, но голос пропал точно так же, как и прошлой ночью.

Вдруг бормотание в шахте разом оборвалось, словно невидимый рот заткнули кляпом из сырой земли. Зеленые цифры на электронных часах мигнули и переключились на три часа сорок семь минут.

В тот же миг лампочка под потолком в прихожей издала тонкий комариный писк и погасла, оставив коридор в густом полумраке, куда едва добивал желтый свет из комнаты. Металлический язычок дверного замка в тишине прихожей медленно и плавно, будто его поворачивала невидимая смазанная маслом рука, сделал пол-оборота внутри скважины и глухо щелкнул, упершись в задвинутый засов.

Сама входная дверь не шелохнулась и не открылась ни на миллиметр, но сразу после этого щелчка старый рассохшийся паркет на границе коридора и комнаты протяжно, жалобно скрипнул, прогибаясь под чьим-то тяжелым весом.

Нина до боли прикусила костяшку собственного указательного пальца, глядя в освещенный дверной проем спальни. Половицы скрипели размеренно и неторопливо, отсчитывая тяжелые шаги невидимого гостя, который шел от запертой двери прямо к кухне. С каждым таким скрипом в комнату вкатывалась новая волна невыносимого кладбищенского холода и густого запаха разрытой могилы, а на старом линолеуме коридора, прямо на глазах у оцепеневшей Нины, из пустоты начали проступать темные маслянистые пятна мокрой глины, словно по полу ступали невидимые босые ноги, только что вылезшие из болотной трясины.

Шаги дошли до кухонного стола и стихли. В тишине раздался легкий звон фаянса, будто кто-то осторожно сдвинул в сторону тяжелую тарелку, которой Нина вечером накрыла проклятый чертеж, а затем послышался сухой шелест переворачиваемой плотной бумаги. Существо стояло там, в трех метрах от спальни, скрытое простенком, и рассматривало бурую спираль в центре чужой жизни, тяжело и редко сопя ноздрями, забитыми тиной.

Это продолжалось целую вечность, пока у Нины не начали неметь сведенные судорогой ноги. Но когда на часах высветилось четыре часа десять минут утра, невидимая тяжесть на кухне вдруг исчезла так же бесследно, как и появилась. Воздух в квартире разом перестал леденить легкие, а наступившая пустота подсказала Нине страшную мысль о том, что ночной гость ушел из ее жилья только потому, что наступило время отправляться по главному адресу.

Когда цифры на табло сменились на четыре часа шестнадцать минут, Нина не выдержала. Забыв про собственный страх и дрожа всем телом, она схватила с покрывала телефон, нашла в списке недавних вызовов номер Марины Ветровой и нажала кнопку вызова, отчаянно молясь про себя, чтобы клиентка взяла трубку и закричала на нее своим живым, истеричным голосом.

Вместо длинных гудков в динамике раздался мгновенный сухой щелчок соединения, словно там, на другом конце провода, палец уже лежал на экране в ожидании этого звонка. На часах у кровати загорелось ровно четыре семнадцать.

— Марина, ответьте мне, вы слышите меня, — сорвавшимся шепотом позвала Нина, до боли прижимая скользкий от пота телефон к уху.

Из трубки не донеслось ни единого человеческого слова, однако связь не прерывалась. В динамике стоял странный, гулкий акустический шум, какой бывает не в жилой комнате с коврами и мебелью, а на дне глубокого сырого погреба с голыми каменными сводами. Сквозь этот подземный гул Нина услышала далекое, захлебывающееся бульканье, похожее на то, как человек пытается вдохнуть воздух через перерезанное горло, полное густой жидкости.

Следом за этим раздался чудовищный, влажный и чавкающий звук, от которого у Нины к горлу подкатила горячая желчь. Звучало это так, словно в темноте чужой квартиры кто-то двумя руками с невероятной силой выворачивал наизнанку мешок с мокрым сырым мясом, ломая на ходу хрупкие хрящи и с треском разрывая натянутые сухожилия. Глухой удар падающего на пол мягкого тела сменился тихой возней, после чего телефон Марины, видимо, подняли с пола, потому что прямо в микрофон ударило тяжелое, свистящее дыхание со знакомым булькающим хрипом в груди.

Нина сидела на кровати ни жива ни мертва, не в силах оторвать руку с телефоном от щеки, а из черной дырочки динамика прямо ей в ухо вдруг медленно и раздельно, растягивая согласные непослушным, чужим языком, который еще не привык к новому рту, произнесли ее собственное имя, пообещав скоро увидеться, и связь оборвалась короткими пронзительными гудками.

Глава 4

Серый ноябрьский рассвет застал Нину сидящей в том же самом углу тахты, где она провела остаток ночи, раскачиваясь из стороны в сторону и кутаясь в колючий плед. Она так и не решилась выйти на кухню, чтобы посмотреть, лежит ли на столе под сдвинутой тарелкой пожелтевший лист, а черные следы на линолеуме прихожей к утру подсохли и превратились в белесые пыльные разводы, которые при дневном свете вполне можно было принять за плохо вымытую вчерашнюю грязь со сапог самой Марины.

Ровно в девять часов утра, когда в доме начали хлопать двери уходящих на работу соседей, в квартиру Нины постучали. Стук был тяжелым, властным и настойчивым, от которого старая обивка двери глухо содрогалась, явно принадлежавшим человеку, привыкшему к тому, что ему открывают без лишних вопросов.

Нина на ватных ногах добрела до прихожей, посмотрела в мутный глазок и увидела на освещенной утренним светом площадке коренастого мужчину лет пятидесяти в расстегнутом темно-синем пальто с мокрыми от мокрого снега плечами и тяжелым серым лицом, изрезанным глубокими морщинами вокруг усталых, колючих глаз.

Когда она отперла засов, мужчина молча предъявил ей раскрытое удостоверение следственного комитета на имя майора Аркадия Борисовича Гурова и, не дожидаясь приглашения, шагнул через порог, сразу заполнив крошечную прихожую запахом дешевого крепкого табака, мокрой шерсти и казенной усталости.

— Волкова Нина Сергеевна, частный астролог и специалист по исправлению чужих судеб за наличный расчет, верно я понимаю, — глухим, прокуренным басом произнес следователь, цепким взглядом окидывая убогие обои коридора и воспаленное, землистое от бессонницы лицо хозяйки. — Пройдемте на кухню, гражданка Волкова, разговор у нас с вами будет долгий и крайне неприятный, так что советую сразу отвечать по существу и без ваших магических сказок.

Он прошел на кухню, тяжело опустился на тот самый табурет, где вчера утром тряслась от ужаса Марина Ветрова, и положил перед собой на клеенку потертую кожаную папку. Нина осталась стоять у холодильника, прижимая сцепленные ледяные пальцы к груди и стараясь не смотреть на край стола, где из-под сдвинутой фаянсовой тарелки зловеще торчал угол плотной желтой бумаги.

Гуров не спеша достал из папки глянцевый фотоснимок большого формата и бросил его на стол лицевой стороной вверх. На фотографии, сделанной при резком свете криминалистической вспышки на фоне казенного кафеля, была запечатлена женская кисть с посиневшими, неестественно вывернутыми в суставах пальцами и обломанными до мяса ногтями, под которыми чернела густая грязь. В мертвой хватке этих скрюченных пальцев была зажата измятая, пропитанная темной бурой кровью картонная визитка самой Нины с ее номером телефона и адресом сайта.

— Узнаете свою рекламу, Нина Сергеевна, — холодно спросил следователь, наблюдая за тем, как у женщины у холодильника задрожали губы. — Это рука гражданки Ветровой Марины Игоревны, труп которой был обнаружен сегодня утром нарядом полиции в ее собственной квартире после того, как соседи снизу вызвали участкового из-за странного грохота и залившей им потолок крови. В телефоне покойной зафиксирован ваш вчерашний утренний разговор, ее визит в ваш подъезд подтверждается камерой на домофоне, а кроме того, имеется крайне любопытный звонок с вашего мобильного номера на ее аппарат ровно в четыре часа семнадцать минут утра, длившийся сорок две секунды.

— Я не убивала ее, я вообще не выходила из этой квартиры со вчерашнего дня, — прошептала Нина, чувствуя, как пол уходит у нее из-под ног от вида синих мертвых пальцев на

снимке. — Я позвонила ей под утро, потому что знала точное время, когда это должно случиться, и хотела убедиться, что она еще дышит.

Тяжелые брови Гурова угрожающе сошлись на переносице, а в колючих глазах мелькнул жесткий охотничий азарт человека, поймавшего преступника на оговорке.

— Вот с этого места давайте поподробнее, уважаемая, откуда же вам с точностью до минуты было известно время смерти потерпевшей, которое наши эксперты установили по разбитым на ее руке часам, если вы сидели здесь взаперти, — медленно проговорил он, подаваясь корпусом вперед. — Уж не вы ли со своими подельниками запугали одинокую платежеспособную женщину до полусмерти, вымогая у нее сбережения за снятие какой-нибудь родовой порчи, а когда она отказалась платить, устроили ей показательную расправу.

— Она сама принесла мне эту минуту смерти вчера утром на бумаге, — сорвалась на отчаянный крик Нина, делая шаг к столу и тыча дрожащим пальцем в сторону фаянсовой тарелки. — Она пришла ко мне вся седая от ужаса, с искусанными в кровь губами и сказала, что вытащила из почтового ящика свой собственный гороскоп с точной датой и часом гибели, а по ночам кто-то приходил под ее дверь и дышал в замочную скважину. Я пыталась ее успокоить, но когда ночью позвонила ей в четыре семнадцать, в трубке уже не было Марины, там кто-то другой дышал над ее телом и назвал меня по имени.

Следователь несколько долгих секунд буравил ее тяжелым, немигающим взглядом, проверяя, симулирует ли она помешательство, чтобы уйти от ответственности, или действительно говорит правду. Однако в расширенных зрачках Нины, один из которых пересекала странная черная отметина на радужке, плескался такой неподдельный, первобытный ужас, какой невозможно сыграть даже самому талантливому актеру.

Гуров мрачно вздохнул, откинулся спиной к обоям и достал из кармана пачку сигарет, долго мял фильтр толстыми пальцами, не прикуривая, после чего заговорил уже совсем другим, усталым и каким-то потухшим голосом.

— Если бы Ветрову просто зарезали на пороге или отравили клофелином ради банковских карточек, Нина Сергеевна, вы бы у меня уже сидели в наручниках в следственном изоляторе, — глухо произнес он, глядя мимо нее в мутное окно, за которым падал серый ноябрьский снег. — Проблема в том, что стальная дверь в квартиру Ветровой на четвертом этаже была заперта изнутри на все три ригельных замка и ночную задвижку, причем ключ торчал в скважине с внутренней стороны, так что нашим ребятам пришлось полчаса резать петли болгаркой. Окна в квартире пластиковые, закрыты наглухо и заклеены на зиму малярным скотчем, вентиляционные люки узкие, а на деньгах в комоде и золотых побрякушках нет ни одного чужого отпечатка.

У Нины перехватило горло, потому что рассказ следователя в точности повторял ее собственный ночной кошмар с запертой на цепочку дверью.

— Но даже не замки довели нашего судмедэксперта со стажем в тридцать лет до того, что его вывернуло наизнанку прямо на лестничной площадке, — продолжал Гуров, и желваки на его серых скулах напряженно заходили. — На теле Ветровой нет ни одного ножевого ранения или следа от пули, даже одежда на ней осталась почти целой, вот только все ее внутренние органы в грудной и брюшной полости оказались буквально вывернуты швами наружу и перемешаны в кровавую кашу прямо внутри тела, словно какую-то тряпичную куклу вывернули через горло и бросили на пол. А весь рот, глотка и трахея до самых бронхов у нее были плотно, будто ручкой от швабры, утрамбованы черной жирной глиной вперемешку с гнилыми корнями и болотной тиной, отчего у нее просто разорвало грудную клетку изнутри.

Нина медленно осела на пол вдоль дверного косяка, зажимая ладонями рот, чтобы не закричать в голос, потому что перед ее внутренним взором снова всплыл вчерашний бугор, который живо и страшно перекатывался под водолазкой на животе еще живой Марины.

Тем временем Гуров перевел взгляд на край стола, осторожно сдвинул фаянсовую тарелку кончиком авторучки и уставился на бурый астрологический чертеж со спиралью посередине. Как только лист открылся полностью, по маленькой кухне тут же поплыл густой, нестерпимый запах разрытой сырой могилы и прелой мертвечины.

Лицо старого оперативника мгновенно изменилось, потеряв всякую казенную насмешливость. Он брезгливо поморщился, прикрыл нос тыльной стороной ладони и очень внимательно, не прикасаясь к бумаге голыми пальцами, осмотрел рваный клиновидный разрыв между секторами круга.

— Значит, вот какие письма счастья у нас теперь разносят по почтовым ящикам перед тем, как человека набивают кладбищенским черноземом в запертой квартире, — тихо и как-то совсем безжизненно пробормотал Гуров сам себе под нос. — А ведь две недели назад в соседнем районе нашли точно такого же пенсионера за железной дверью с полным ртом сырой земли, только тогда местные списали все на приступ эпилепсии и какой-то цветочный горшок, чтобы не портить статистику висяком.

Он достал из своей папки плотный прозрачный файл, с помощью пинцета для улик зацепил проклятый желтоватый лист за краешек и аккуратно запечатал его в пластик, после чего спрятал обратно в портфель вместе с фотографией мертвой руки.

— Бумажку эту я у вас изымаю для химической экспертизы чернил и грунта, Нина Сергеевна, — тяжело поднимаясь с табурета и застегивая пальто, произнес майор уже у самого порога. — Из города вам уезжать категорически не советую, подписку о невыезде оформлять пока не буду, но телефон держите включенным круглые сутки. И мой вам чисто человеческий совет, проверьте на всякий случай все замки на своей двери и не открывайте никому после захода солнца, потому что мне очень не нравится, как пахнет в вашей прихожей.

Он оставил на обувной тумбочке свою потертую карточку с прямым мобильным номером и вышел на площадку, а Нина тут же лихорадочно захлопнула за ним дверь на все засовы, понимая, что никакое железо не спасет ее, когда стрелки часов снова дойдут до трех сорока семи.

Глава 5

День после ухода следователя тянулся как бесконечный вязкий кошмар, в котором стерлись границы между минутами и часами. Несмотря на то что Гуров унес с собой страшный бумажный чертеж в пластиковом пакете, запах сырой кладбищенской земли так и не выветрился из квартиры, хотя Нина на полчаса открывала настежь кухонную форточку, впуская внутрь ледяной ноябрьский ветер со снегом.

В голове у нее неотвязно крутилась последняя фраза Марины, брошенная вчера перед бегством, о том, что Нина сама должна вспомнить, откуда в ее доме взялась эта странная желтоватая бумага. В памяти действительно ворочалось что-то смутное и тревожное, связанное с первыми днями переезда в эту съемную однушку, когда она разбирала хлам покойной старухи-хозяйки на антресолях и в глубине скрипучего стенного шкафа, однако сосредоточиться на воспоминаниях мешала невыносимая резь в левом глазу. Черная зазубрина на радужке к вечеру разрослась в тонкую ветвистую трещинку, из-за чего в левой половине поля зрения теперь постоянно плавало мутное серое пятно, похожее на кляксу сажи.

В десятом часу вечера, когда Нина сидела в кресле посреди комнаты при полном свете люстры и пыталась заставить себя проглотить хотя бы глоток горячего чая, за входной дверью на лестничной площадке седьмого этажа вдруг раздался резкий, сухой хлопок, словно кто-то с силой раздавил каблуком стеклянную елочную игрушку. Это с треском лопнула старая лампа накаливания под бетонным козырьком над лифтом, и сквозь узкую щель под порогом Нина увидела, как пространство снаружи мгновенно провалилось в непроглядную чернильную тьму.

В доме наступила гробовая тишина. Соседи по площадке, пожилая глуховатая вдова из двадцать седьмой квартиры и вечно пьяный слесарь из двадцать девятой, никогда не выходили менять перегоревшие лампочки на ночь глядя, предпочитая сидеть за своими дверями до утра.

Но не прошло и полуминуты после того, как погас свет на лестнице, как в полнейшей темноте с той стороны входной двери Нины раздался тихий, осторожный шорох. Кто-то стоял на бетонной площадке вплотную к ее порогу, совершенно бесшумно поднявшись на седьмой этаж пешком без помощи гудящего лифта, и медленно, будто на ощупь в слепой темноте, проводил твердыми ногтями по старому коричневому дерматину обивки сверху вниз.

Чашка с чаем выпала из онемевших пальцев Нины и с глухим стуком покатилась по ковру, расплескивая кипяток. Она зажала рот обеими ладонями, боясь даже моргнуть, и на цыпочках, стараясь не задеть ни единой скрипучей половицы, подкралась к прихожей.

Скрежет по дерматину прекратился, и вместо него раздались три тихих, но удивительно четких удара костяшкой пальца ровно в середину дверного полотна, прямо на уровне дверного глазка.

Нина зажмурилась на секунду, пересиливая парализующий ужас, и прильнула правым, здоровым глазом к холодному стеклышку глазка. Как она и боялась, за дверью царила абсолютная чернота, в которой невозможно было различить ни стен подъезда, ни силуэта стоящего человека, однако у нее возникло жуткое, тошнотворное ощущение, что прямо сейчас с обратной стороны стекла, всего в паре сантиметров от ее зрачка, в глазок вглядывается чей-то чужой, широко раскрытый в темноте глаз.

— Нина Сергеевна, я знаю, что вы не спите и стоите сейчас у двери, — вдруг негромко, спокойно и совершенно по-человечески произнес из темноты мужской голос, лишенный всяких потусторонних хрипов, но звучавший странно ровно и глухо, будто говорящий находился в тесном деревянном ящике. — Не вызывайте полицию, ваш следователь Гуров мне ничем не поможет, а вам тем более. Меня зовут Егор Савин, и у меня на руке точно такая же черная спираль, из-за которой сегодня утром не стало вашей клиентки Марины Ветровой.

Нина отшатнулась от двери, ударившись лопатками о вешалку с пустыми плечиками. Никто в этом мире, кроме нее самой и майора Гурова, не мог знать ни имени погибшей Марины, ни о самом существовании спирали на изъятом утром листе.

— Откуда вы знаете про Марину, кто вы такой и что вам от меня нужно посреди ночи, — дрожащим, сорванным голосом спросила она сквозь толщу дерева и железа, не прикасаясь к замкам.

— Она сама назвала ваше имя перед тем, как уйти, потому что мы все слышим друг друга, когда подходят последние часы, — так же тихо и размеренно ответил невидимый мужчина из темноты подъезда. — Впустите меня хотя бы на десять минут на цепочке, Нина Сергеевна, мне просто нужно показать вам мою ладонь и рассказать, откуда берутся эти листы, пока еще не наступило три часа сорок семь минут, иначе завтра следующей в списке окажетесь вы сами.

Разум отчаянно кричал ей не трогать засов и звонить Гурову, но животный страх перед приближающейся ночью и той черной трещиной, что уже разъедала ее собственный глаз, оказался сильнее всякой осторожности. Ей казалось, что остаться сегодня одной в четырех стенах наедине с говорящей вентиляцией будет верной смертью, а человек за дверью знал ответ на вопрос, который сводил ее с ума с самого утра.

Дрожащими пальцами Нина повернула ключ в нижнем замке, отодвинула тяжелый засов и приоткрыла дверь на узкую щель, удерживаемую натянутой стальной цепочкой.

В полосу желтого света, упавшую из прихожей на темную лестничную клетку, тут же шагнул высокий, болезненно худой мужчина лет тридцати пяти в простой темной куртке, застегнутой до самого подбородка. У него было узкое, правильное, но совершенно бескровное лицо цвета старого воска, резко очерченные скулы и удивительно светлые, почти прозрачные серые глаза, которые смотрели на Нину спокойно и немигающе, не щурясь от яркого света после кромешной темноты подъезда.

Он молча поднял правую руку к щели двери и размотал грязноватый марлевый бинт на запястье, поворачивая к ней раскрытую ладонь. Прямо посреди бледной кожи, пересекая все линии жизни и судьбы, темнел глубокий, воспаленный шрам в форме той самой ломаной спирали с угловатым разрывом сбоку, причем края раны выглядели свежими и влажными, словно этот знак вырезали на живом мясе тупым ножом всего несколько часов назад.

Гипнотическая жуть этого знака подействовала на Нину сильнее любых уговоров. Она машинально сбросила стальную цепочку и отступила вглубь коридора, пропуская ночного гостя внутрь квартиры, после чего снова заперла дверь на засов.

Когда Егор проходил мимо нее в узкой прихожей, почти задевая ее плечом, Нина обратила внимание на странную, противоестественную деталь, от которой у нее внутри все сжалось. На улице весь вечер валил мокрый ноябрьский снег с дождем, плечи его темной куртки и темные волосы были влажными от растаявших снежинок, однако от вошедшего мужчины не пахло ни сырой уличной свежестью, ни табаком, ни одеколоном, ни даже обычным человеческим потом. От него вообще ничем не пахло, словно в квартиру вошел не живой человек из плоти и крови, а вырезанная из пресного льда или сухого дерева кукла, от которой веяло лишь легким сквозняком пустого нежилого помещения.

— Проходите в комнату, садитесь в кресло, — глухо произнесла Нина, кутаясь в кофту и указывая на освещенную гостиную, потому что вести его на маленькую кухню, где утром сидел следователь и лежала проклятая карта, она не решилась.

Егор послушно прошел в комнату, не снимая влажной куртки и тяжелых ботинок, которые почему-то не оставили на ковре ни единого мокрого следа, и сел на самый краешек кресла с идеально прямой, словно деревянной спиной, положив забинтованную руку на колено.

— Вы меня совсем не помните, Нина Сергеевна, хотя я вижу вас в своих снах каждую ночь уже третью неделю подряд, — тихо заговорил он, глядя на нее своими прозрачными, словно выцветшими на солнце глазами, в которых зрачки были сужены до крошечных черных

точек. — В этом нет ничего удивительного, потому что я и сам не знаю, кем я был от рождения и в какой день появился на свет. Моя жизнь началась ровно одиннадцать лет назад в ноябре, когда санитар районного морга открыл утром холодильную камеру и обнаружил, что один из привезенных ночью с трассы неопознанных трупов без документов сидит на стальном столе и смотрит в стену.

У Нины похолодели кончики пальцев, а Егор говорил об этом так буднично и ровно, словно пересказывал чужую газетную заметку.

— Врачи тогда решили, что скорая допустила халатность и приняла глубокую кому с переохлаждением за биологическую смерть, — продолжал ночной гость, даже не моргнув за все время рассказа. — Мне справили новые документы с примерным возрастом, дали случайную фамилию Савин и выпустили жить, вот только за эти одиннадцать лет я так ничего и не вспомнил о своем прошлом, потому что внутри меня на месте памяти осталась просто выжженная черная дыра. А три недели назад на моей ладони сама по себе лопнула кожа, проступила эта спираль, и с тех пор каждую ночь ровно в три часа сорок семь минут я просыпаюсь оттого, что вижу во сне эту самую комнату с цветочными обоями и вас, стоящую у стола над старой желтой бумагой.

— Я никогда в жизни не видела вас раньше и не звала вас, — прошептала Нина, пятясь к дверному проему в коридор и чувствуя, как левый глаз снова начинает нестерпимо ломить от взгляда этого странного человека. — У вас, наверное, жар от этой раны на руке, подождите здесь минуту, я принесу вам с кухни чистой воды и перекись, чтобы обработать ладонь.

Ей нужен был любой предлог, чтобы хотя бы на минуту выйти из комнаты, перевести дыхание и унять дрожь в коленях, потому что находиться рядом с этим неподвижным, лишенным запаха гостем становилось физически невыносимо.

Нина быстро вышла в полутемную прихожую и шагнула на кухню, не включая там верхний свет, чтобы не привлекать внимания со двора. Дверь в большую комнату осталась распахнутой за ее спиной, и широкий клин яркого электрического света от люстры падал через коридор прямо на темное стекло кухонного окна, превращая его на фоне черной ноябрьской ночи в идеальное темное зеркало.

Набирая в стакан воду из-под крана, Нина машинально подняла глаза на это черное оконное отражение, в котором под углом просматривалась часть гостиной и край кресла, где сидел оставленный в одиночестве Егор.

Стакан едва не выскользнул из ее мокрых пальцев, а дыхание застряло в горле колючим ледяным комом.

В черном зеркале окна она отчетливо видела, что как только она вышла из комнаты и отвернулась, Егор перестал изображать обычного усталого человека. Он все так же сидел на краешке кресла, не меняя положения туловища, однако его голова в отражении неестественно, под каким-то вывихнутым углом вытянулась вперед на длинной белой шее в сторону дверного проема, словно его шейные позвонки разошлись в стороны, позволяя ему заглядывать за угол коридора. Его прозрачные глаза в отражении казались совершенно белыми и круглыми, без единого моргания устремленными прямо в спину стоящей у раковины Нины, рот был слегка приоткрыт в застывшем мертвом оскале, а темная куртка на его груди оставалась абсолютно неподвижной, потому что этот человек в пустой комнате вообще не дышал.

Глава 6

Вода из-под крана перелилась через край стеклянного стакана и ледяной струйкой потекла по онемевшим пальцам Нины, возвращая ей способность двигаться. Она судорожно закрутила вентиль и резко обернулась к дверному проему, прижимая мокрый стакан к груди, словно хрупкое стекло могло защитить ее от того, что она только что видела в черном зеркале кухонного окна.

Однако в освещенной комнате все выглядело совершенно обычно. Егор сидел в кресле в прежней скованной позе, чуть сутуля худые плечи под влажной курткой, его шея имела вполне человеческие пропорции, а светлые глаза медленно моргнули, когда Нина переступила порог гостиной. Казалось, что жуткое отражение с вывихнутыми позвонками и мертвым оскалом было лишь секундным помешательством ее собственного мозга, измученного двумя бессонными ночами и рассказом следователя.

— Простите, я так и не принесла перекись для вашей руки, совсем голова кругом идет после сегодняшнего утра, — глухо проговорила Нина, останавливаясь в двух шагах от кресла и протягивая ему воду на вытянутой руке, чтобы не подходить ближе.

Егор принял стакан своими длинными восковыми пальцами, случайно коснувшись ее ладони, и Нина едва сдержалась, чтобы не отдернуть руку, потому что кожа гостя на ощупь напоминала гладкую кору срубленного зимой дерева, пролежавшего на морозе несколько суток. Пить он не стал, а просто поставил полный стакан на край журнального столика рядом с креслом.

— Перекись здесь ничем не поможет, Нина Сергеевна, потому что эта рана идет не снаружи, а проступает изнутри, как ржавчина сквозь старую краску, — тихо ответил он, заматывая ладонь со страшной спиралью обратно в серый бинт, на котором почему-то не было видно свежей алой крови, а темнели лишь бурые маслянистые разводы. — Я пришел только для того, чтобы вы увидели меня своими глазами и поняли, что вы в этом кошмаре не сошли с ума. Во сне я видел, как вы достаете такие же желтые листы из темной щели за дверцей шкафа прямо здесь, в вашей прихожей, поэтому прошу вас поискать хорошенько, пока у нас еще осталось немного времени.

Он тяжело поднялся с кресла, положил рядом со стаканом воды узкий клочок тетрадного листа в клеточку, на котором простым карандашом был аккуратно выведен телефонный номер, и направился к выходу. Нина шла за ним по пятам на безопасном расстоянии, чувствуя, как при каждом его бесшумном шаге по прихожей тянет холодным сквозняком из-под плинтусов.

Когда она отперла засов и приоткрыла входную дверь, на лестничной площадке седьмого этажа по-прежнему стояла непроглядная чернильная тьма из-за лопнувшей лампочки. Егор шагнул за порог прямо в эту слепую черноту, даже не достав из кармана телефон, чтобы подсветить себе ступеньки, и замер на секунду, повернув к ней свое бледное, словно вылепленное из серого свечного воска лицо.

— Не открывайте никому после трех часов ночи, даже если вам покажется, что за дверью плачет ребенок или зовет на помощь кто-то из знакомых, — донесся из темноты его ровный, глухой голос, после чего он начал спускаться вниз по бетонной лестнице так тихо, что в гулком подъезде не прозвучало ни единого шороха подошв.

Нина захлопнула дверь, задвинула все засовы и долго стояла посреди коридора, прислушиваясь к гулкому биению собственного сердца. Слова ночного гостя о желтых листах за дверцей шкафа попали прямо в ту самую болевую точку ее памяти, которую она весь день боялась растревожить.

Она медленно повернула голову к старому встроенному шкафу, занимавшему глубокую нишу в стене между прихожей и кухней. Когда месяц назад она въехала в эту запущенную

квартиру после смерти прежней хозяйки, одинокой и нелюдимой старухи Клавдии Игнатьевны, чье тело обнаружили только спустя три недели по тяжелому запаху на лестнице, Нина первым делом выбросила на помойку прогнивший матрас и старое тряпье. В этом стенном шкафу она тогда лишь наскоро протерла полки и повесила свои осенние пальто, но сейчас она вдруг отчетливо вспомнила, что задняя фанерная стенка в глубине ниши странно выпирала вперед, уменьшая глубину шкафа почти на треть по сравнению с толщиной бетонного простенка.

Подчиняясь ледяному, почти болезненному импульсу, Нина распахнула скрипучие деревянные створки и сбросила на пол свои куртки вместе с вешалками. В лицо ей пахнуло затхлой пылью и старым нафталином. Она взяла с кухни тяжелый разделочный нож с широким лезвием, забралась внутрь тесного шкафа и костяшкой пальца постучала по задней стенке, оклеенной кусками пожелтевших газет и старых обоев.

Звук оказался глухим и пустым, подтверждая, что за тонким листом рассохшейся фанеры скрывается пустота.

Задыхаясь в тесноте от пыли и подступающего страха, Нина просунула острие ножа в щель между фанерой и боковой бетонной стеной, после чего со всей силы нажала на рукоятку. Ржавые мелкие гвозди со скрипом вышли из трухлявого дерева, кусок обоев лопнул с сухим треском, и фанерный щит повалился ей под ноги, открывая черную квадратную нишу, уходившую вглубь старой вентиляционной кладки.

Из открывшегося проема в прихожую тут же хлынула такая плотная, удушливая волна запаха сырой кладбищенской глины и сладковатой тли, что Нина закашлялась, прикрывая рот рукавом кофты. Это был тот самый могильный дух, который стоял в ее спальне прошлой ночью и которым насквозь провонял предсмертный гороскоп Марины Ветровой.

Посветив внутрь ниши экраном мобильного телефона, Нина увидела на бетонном выступе длинный сверток из грубой промасленной парусины, перетянутый суровой черной ниткой. Дрожащими руками она вытащила тяжелый сверток на свет, положила его на пол прихожей прямо под мигающей лампочкой и развернула заскорузлую ткань.

Первым, что бросилось ей в глаза, оказалась толстая стопка тех самых плотных, неровно обрезанных по краям желтоватых листов старой бумаги, покрытых бурыми пятнами сырости. Верхний лист в стопке лежал криво, словно его совсем недавно брали в руки в темноте, а рядом с бумагой покоилось старинное деревянное перо с расщепленным стальным наконечником, на острие которого все еще темнела свежая, не до конца высохшая бурая капля.

У Нины потемнело в глазах от ужасающего осознания того, что проклятое письмо с точной минутой смерти для Марины Ветровой было написано не где-то на другом конце города, а начертано именно этими принадлежностями из тайника в ее собственной квартире.

Помимо бумаги и пера, в парусине лежал тяжелый холщовый мешочек, доверху набитый влажной черной землей с мелкими белесыми корешками, а также несколько аптечных пузырьков из темного стекла, внутри которых на стенках засохла густая темно-бордовая корка с тяжелым железным запахом старой крови. Под всем этим страшным добром пряталась толстая общая тетрадь в черном клеенчатом переплете, края которого обтрепались от частого чтения.

Нина села прямо на холодный линолеум прихожей, прислонившись спиной к стене, и раскрыла черную тетрадь на коленях. Страницы внутри были исписаны тем же самым рваным, летящим почерком без заглавных букв, какой она видела на обороте предсмертной метки Марины.

Это был многолетний дневник покойной старухи Клавдии Игнатьевны, которая, как оказалось, всю свою долгую жизнь занималась вовсе не обычным гаданием, а древним, изуверским чернокнижием, построенным на изнанке звездных таблиц. Перелистывая страницы холодными пальцами, Нина читала пугающие откровения выжившей из ума чернокнижницы и чувствовала, как волосы у нее на голове шевелятся от ледяного озноба.

В тетради говорилось о том, что древние халдейские звездочеты намеренно разделили круг человеческой судьбы на двенадцать домов, чтобы спрятать от глаз непосвященных узкую черную щель между двенадцатым домом тайного заточения и первым домом плотского рождения. Эту запретную щель старуха называла Тринадцатым домом или Домом Неупокоенных. Согласно ее записям, там, в ледяном безвременье за обоями живого мира, вечно томились так называемые пустые — голодные тени тех, кто выпал из круга перерождений и потерял собственную плоть, но сохранил ненасытную, звериную жажду чужого живого тепла.

Сами по себе эти твари не могли переступить порог нашего мира, пока человек находился под защитой своих натальных домов. Однако стоило живому человеку войти в редкий гибельный транзит по Восьмому дому смерти, как знающий практик мог вычертить его гороскоп на вымоченной в могильной воде бумаге, смешать собственную кровь с кладбищенской глиной и разомкнуть круг на границе Тринадцатого дома, указав голодной твари точный адрес и минуту беззащитности жертвы.

Дальше в дневнике с пугающей будничностью описывалось то, что происходило с намеченным смертником после получения такой черной метки. Три ночи подряд званый гость из Тринадцатого дома приходил к дверям человека ровно в три часа сорок семь минут, в час самой глубокой предрассветной тьмы, когда жизненная сила в спящем теле падает до предела. Своим могильным дыханием и прикосновениями тварь постепенно расшатывала связь между душой и плотью, подготавливая сосуд к захвату, а на третье утро ровно в четыре семнадцать входила внутрь жертвы через открытый в крике рот, выворачивала ненужное живое нутро и надевала освободившееся теплое тело на себя, как человек надевает с чужого плеча зимнее пальто.

После этого пустой мог неделями и месяцами ходить среди людей в украденной оболочке, пока мертвое мясо окончательно не начинало расползаться по швам, требуя поиска новой жертвы с открытым транзитом.

Нина захлопнула черную клеенчатую тетрадь, потому что к горлу подступил спазм удушья. Теперь все кусочки мозаики сложились в одну чудовищную картину, объяснявшую и вывернутые органы Марины Ветровой, и забитую черной глиной гортань, и историю самого Егора Савина, который одиннадцать лет назад очнулся на металлическом столе в районном морге без памяти, без запаха и без дыхания в груди.

Глава 7

Остаток ночи и весь следующий день превратились для Нины в сплошной лихорадочный бред наяву. Она не посмела выбросить находку из тайника на улицу, помня рассказ о том, что меченая бумага все равно возвращается к тем, кто к ней прикоснулся, поэтому она заперла черную тетрадь и парусиновый сверток в нижний ящик кухонного стола. Ей казалось, что если она уйдет из этой проклятой квартиры хотя бы на час, то на улице в серой толпе прохожих за ней тут же увяжется кто-то из тех бездыханных кукол, которые донашивают чужие тела по всему городу.

Но и оставаться внутри бетонной коробки на седьмом этаже было почти невыносимо. Старая квартира, в которой после вскрытия тайника больше нечем было дышать из-за густого запаха прелой земли, словно ожила какой-то злобной, затаенной жизнью.

Левый глаз Нины теперь болел постоянно, тупой пульсирующей болью, отдававшей прямо в затылок, а когда она днем подошла к зеркалу в ванной, то увидела, что черная трещинка на радужке разветвилась на три тонких отростка, превратившись в крошечную, но уже отчетливо различимую черную спираль вокруг зрачка.

Страшнее всего пришлось следующей ночью, когда стрелки часов снова неумолимо поползли к четырем часам утра. Нина сидела на кухне, поджав ноги на табурете и сжимая в потных ладонях телефон с открытым номером майора Гурова, хотя в глубине души прекрасно понимала, что никакой полицейский пистолет не остановит то, что проходит сквозь запертые двери.

Ровно в три часа сорок семь минут холодильник возле окна снова захлебнулся на полувздохе и затих. Воздух на маленькой кухне мгновенно загустел и остыл до такой степени, что на клеенке стола вокруг остывшего чайника выступила мелкая ледяная испарина.

Из-под старых деревянных плинтусов в прихожей с тихим шипением поползла черная маслянистая сырость, пахнущая стоячей болотной водой и гнилыми досками старого гроба. А через секунду в тишине коридора раздался тяжелый металлический скрежет, потому что массивная ручка входной двери начала медленно, под огромным невидимым давлением опускаться вниз до самого упора.

Нина сидела на табурете, боясь дышать и глядя расширенными глазами в темный проем коридора, где стальная задвижка в дверной коробке мелко дрожала и звенела, словно с той стороны двери в замочную скважину просунули длинный костяной палец и методично пытались сдвинуть засов с места. Снизу, из узкой щели под порогом, в квартиру тянулись тонкие черные струйки жирной грязи, которые медленно шевелились на линолеуме, как живые пиявки, пытаясь дотянуться до ножек кухонного стола.

В этот самый миг экран телефона в ее сведенных судорогой руках беззвучно вспыхнул холодным голубым светом. На дисплее высветилось новое входящее сообщение, отправленное с пустого номера, в котором вместо цифр стояли лишь сплошные нули.

Нина опустила глаза и прочитала одну-единственную короткую строчку без знаков препинания, в которой говорилось, что запирать засовы бесполезно, потому что дверь в ее доме уже давно открыта изнутри.

Только к пяти часам утра, когда за окном забрезжил мутный свинцовый рассвет, замок перестал скрежетать, а черная сырость у плинтусов высохла, оставив после себя лишь грязные соляные разводы. Измотанная до крайнего предела Нина просидела за столом весь день, не притрагиваясь к еде и вздрагивая от каждого шороха в трубах, пока в восемь часов вечера за входной дверью снова не раздался знакомый тихий стук в три удара.

Когда она на негнущихся ногах подошла к двери и заглянула в глазок, то увидела на площадке, где днем кто-то из соседей наконец вкрутил новую тусклую лампочку, сгорбленную фигуру Егора Савина.

Он выглядел гораздо страшнее, чем в свой первый визит. Его лицо осунулось так сильно, что скулы готовы были прорвать тонкую серую кожу, под глазами набухли тяжелые черные мешки, а сам он мелко и прерывисто трясся всем телом, прижимая здоровую руку к левому подреберью.

Нина отперла замки, понимая, что прятаться от него уже не имеет никакого смысла, и Егор тут же шагнул внутрь, тяжело опираясь плечом о стену прихожей. Сегодня от него больше не веяло пресной пустотой, потому что сквозь ткань его промокшей куртки пробивался тяжелый, тошнотворный душок застоявшейся стоячей воды и старого погреба, словно внутри этого человека что-то начало стремительно портиться в тепле.

— Вы нашли ее, я чувствую по запаху, что вы вскрыли старухин тайник, — сипло выдохнул он, проходя вслед за Ниной на кухню и буквально рухнув на табурет под желтым кругом света от низко висящего абажура.

Его взгляд тут же упал на край стола, где лежала черная клеенчатая тетрадь покойной Клавдии Игнатьевны, которую Нина читала весь вечер. Увидев знакомый переплет, Егор вдруг согнулся пополам от беззвучного приступа удушья, схватился обеими руками за края столешницы, и прямо на глазах у оцепеневшей Нины под кожей его шеи и щек начали проступать широкие сине-багровые трупные пятна, какие бывают только у мертвецов, пролежавших несколько часов на холоде. Из его левой ноздри на чистую клеенку стола медленно капнула густая, почти черная капля загустевшей сукровицы.

— Я знаю, что вы сейчас прочитали в этой тетради, Нина, и знаю, что вы видели вчера в отражении кухонного окна, когда ходили за водой, — заговорил он быстро и прерывисто, поднимая на нее залитые мутной тоской глаза, в которых сейчас метался вполне человеческий, отчаянный страх. — Я не хотел вам лгать, но если бы я сразу сказал правду на пороге, вы бы никогда не пустили меня в дом. В том морге одиннадцать лет назад врачи не ошиблись, я действительно умер тогда ночью на обледенелой трассе, а утром со стального стола поднялся уже не я, а то голодное нечто из Тринадцатого дома, которое старуха Клавдия запустила в мое остывшее тело перед своей болезнью.

Нина прижалась спиной к холодной дверце холодильника, нащупывая за собой на столешнице рукоятку кухонного ножа, но Егор даже не пытался приблизиться к ней, продолжая судорожно вжиматься грудью в край стола.

— Вы не представляете, какой это ад, когда твоя душа не может уйти в землю, потому что остается запертой как в тесном чулане где-то на самом дне собственного мертвого тела, — прошептал он, и его голос дрогнул от сухого, бессильного рыдания. — Днем, пока эта тварь спит и переваривает украденное тепло у меня под ребрами, я еще могу управлять своими руками и ногами, могу говорить с вами и помнить свое проклятие. Но каждую ночь ровно в три часа сорок семь минут оно просыпается, берет мое тело за горло, как кукольник берет тряпичную марионетку, и выводит меня на темные улицы искать тех, у кого открылся Восьмой дом.

Под его темной курткой в области живота вдруг произошел тот же самый омерзительный, влажный перекат, какой Нина видела у Марины Ветровой, словно внутри его грудной клетки ворочался огромный слепой червь, которому стало слишком тесно в старой оболочке.

— Это оно моими руками принесло Марине ту черную метку из старухиного запаса, потому что у меня в кармане с тех пор остался второй ключ от вашей квартиры, и это оно убило ее вчера утром, пока я захлебывался от ужаса внутри собственного черепа, — выкрикнул Егор, сдирая с правой ладони грязный бинт и показывая почерневшую, сочащуюся гнилой жижей спираль на коже. — Мое тело за одиннадцать лет совсем износилось, оно гниет изнутри, и тварь больше не хочет в нем оставаться. Сегодня ночью в три сорок семь оно окончательно

разорвет меня изнутри и перейдет в вас, потому что ваша натальная защита уже дала трещину в левом глазу.

Он лихорадочно придвинул к себе черную тетрадь старухи, перевернул залитые воском страницы в самый конец и ткнул посиневшим пальцем в сложный геометрический чертеж, где поверх разрыва Тринадцатого дома был наложен двойной запирающий круг из двенадцати перекрещенных лучей.

— Посмотрите сюда, старуха боялась, что когда-нибудь пустой выйдет из-под ее воли и придет за ней самой, поэтому она оставила здесь схему мертвого замка, — захлебываясь словами, умолял Егор, глядя на Нину снизу вверх с отчаянием приговоренного к казни. — Сама она не успела его начертить, ее разбил паралич, а я не могу взять перо в руки, потому что тварь тут же ломает мне пальцы изнутри. Но вы астролог, вы умеете строить точные градусы на бумаге. Начертите этот запирающий круг прямо сейчас, пока еще нет трех часов ночи, и запечатайте эту падаль внутри меня навсегда. Пусть оно сдохнет и сгниет вместе с моим трупом в закрытой клетке, я согласен на любую муку, только не дайте ему вырваться сегодня ночью и сожрать вас заживо

Глава 8

Нина смотрела то на корчащегося перед ней человека, по подбородку которого текла темная сукровица, то на последнюю страницу черной клеенчатой тетради. В ней боролись омерзение перед сидящим на ее кухне ходячим мертвецом и леденящий животный страх за собственную жизнь, ведь она прекрасно понимала, что пережить еще одну ночь в этой квартире без защиты она просто не сможет.

Схема в тетради выглядела пугающе логичной с точки зрения древней астрологической геометрии. Если обычный гороскоп с разорванным сектором служил воронкой для вызова голода из Тринадцатого дома, то этот двойной зеркальный чертеж поворачивал градусы эклиптики вспять, намертво замуровывая щель между двенадцатым и первым домами и превращая тело носителя в глухой каменный мешок без выхода. В самом низу страницы мелким, едва разборчивым почерком старухи было дописано, что для вступления печати в силу последний штрих в центре спирали должен быть замкнут горячей живой каплей того, кто чертит замок.

— У нас осталось меньше сорока минут до трех сорока семи, Нина, решайтесь скорее, я уже чувствую, как оно начинает ворочаться и подниматься к моему горлу, — простонал Егор, с трудом удерживая голову, которая то и дело с сухим хрустом в позвонках сама по себе дергалась набок к левому плечу.

Паника окончательно подавила в Нине последние остатки сомнений. Она метнулась к нижнему ящику стола, вытащила оттуда парусиновый сверток покойной чернокнижницы и разложила на клеенке самый большой, еще чистый лист плотной желтоватой бумаги. Рядом она поставила аптечный пузырек с бурой жидкостью, положила старинное деревянное перо со стальным наконечником и достала из своего рабочего пенала тяжелый латунный циркуль с острой стальной иглой и металлическую линейку.

Как только она разгладила шершавый лист ладонями и установила иглу циркуля в самый центр бумаги, чтобы провести первую окружность, лампочка под кухонным абажуром жалобно мигнула, загудела и погасла вполовину накала, окрасив тесную комнату в мутный, багрово-рыжий полумрак.

Нина наскоро зажгла найденный в том же свертке толстый восковой огарок темной свечи, прилепив его к блюдцу, и принялась вычерчивать внешний круг домов. Ее руки поначалу мелко дрожали, но как только острие пера коснулось старой бумаги, в ней проснулся многолетний профессиональный автоматизм расчетчика. Она выводила линии секторов и значки планет с лихорадочной быстротой, строго сверяясь с пропорциями из черной тетради и стараясь не вдыхать тяжелый железный запах, поднимавшийся от влажных бурых чернил.

С каждой новой проведенной линией температура на кухне падала на несколько градусов. Стекла темного окна за спиной Егора быстро затягивало изнутри плотным узором морозного инея, а пламя свечи на блюдце вытянулось в тонкую синюю нитку и начало метаться из стороны в сторону, хотя форточка была наглухо закрыта.

Сидевший напротив Егор дышал все тяжелее и прерывистее, причем при каждом его судорожном выдохе изо рта вырывался густой серый пар с запахом разрытой могилы. Его восковые пальцы с такой чудовищной силой впились в края кухонного стола по обе стороны от чертежа, что ногти посинели и треснули посередине, а деревянная столешница жалобно заскрипела под этим нечеловеческим нажимом.

— Быстрее, Нина, ради бога, осталось замкнуть всего три сектора, не смотрите на меня, что бы сейчас ни началось, просто доведите линии до конца, — прохрипел он уже почти неузнаваемым, сдавленным голосом, словно кто-то изнутри двумя кулаками сжимал его дыхательное горло, не давая воздуху проходить через гортань.

Нина даже не подняла головы, выводя стальным пером сложный переплет двенадцатого дома, но боковым зрением увидела на электронных часах у микроволновки, как зеленые цифры мигнули и переключились на три часа сорок семь минут.

В ту же секунду холодильник за ее спиной содрогнулся от глухого внутреннего удара и вырубился, а из черной дыры вентиляционной шахты под потолком в кухню со свистом вырвался порыв ледяного погребного ветра, обдавший лицо Нины мелкой трухой и паутиной.

То, что сидело внутри Егора одиннадцать лет, проснулось от знакомого запаха открытой карты и мгновенно поняло, что вокруг него возводят глухую стену.

Раздался отвратительный, сухой и громкий щелчок, похожий на звук ломающейся сухой ветки. Нина невольно вскинула взгляд и едва не выронила перо от парализующего ужаса.

Человек напротив нее перестал быть человеком. Нижняя челюсть Егора с вывернутыми из суставных сумок хрящами неестественно низко отвисла вниз, достав подбородком до самой груди и открыв бездонную черную пасть рта, полную густой темной слюны. Его голова запрокинулась назад так сильно, что затылок коснулся лопаток, а глаза под широко распахнутыми веками полностью закатились под лоб, оставив снаружи лишь голые желтоватые белки, изрезанные лопнувшими черными капиллярами.

Пальцы Егора, все еще лежавшие на столешнице, вдруг с мокрым хрустом выгнулись в суставах в обратную сторону, как лапы раздавленного паука, и с бешеной скоростью рванулись к листу бумаги, пытаясь разодрать недорисованный чертеж в клочья.

Нина с коротким вскриком ударила тяжелой металлической линейкой по этим скрюченным, ледяным пальцам, отбрасывая их от края бумаги, и лихорадочно провела пером последнюю косую линию, соединяющую двенадцатый дом с первым поверх проклятой щели.

Тогда из распахнутой до груди пасти существа, сидевшего на табурете, вырвался звук, от которого стекла в кухонном окне зазвенели, готовые вылететь из рам. Это был не человеческий крик и не звериный рев, а глухой, булькающий, многоголосый клекот, словно со дна глубокой выгребной ямы одновременно завыли и застонали десятки замученных людей, чьи судьбы и голоса эта тварь сожрала за долгие годы своего блуждания. И среди этого утробного гула Нина с леденящей отчетливостью расслышала знакомый, захлебывающийся слезами женский визг Марины Ветровой, которая прямо из чужой глотки кричала о том, как ей темно и тесно под сырой землей.

Тело Егора рывком поднялось над столом на неестественно выпрямленных ногах, опрокинув табурет. Его левая рука с вывернутыми пальцами молниеносно метнулась вперед и мертвой ледяной хваткой сомкнулась на горле Нины, прижимая ее затылком к кухонному шкафчику и перекрывая дыхание.

В глазах у Нины мгновенно потемнело от удушья, в ушах зазвенело, а в левой глазнице вспыхнула такая невыносимая, слепящая боль, будто черная спираль на ее радужке раскалилась добела и прожгла глазное яблоко насквозь. Задыхаясь и чувствуя, как хрустят хрящи под ледяными пальцами мертвеца, а в лицо ей бьет смрадное дыхание открытой пасти, она вслепую шарила правой рукой по клеенке стола, пока ее ладонь не наткнулась на холодный металл астрологического циркуля.

Она знала, что у нее осталась всего одна секунда до того, как ей свернут шею. Собрав последние силы, Нина не стала бить циркулем в неуязвимое мертвое тело перед собой, а со всего размаху вогнала острую стальную иглу в подушечку собственного безымянного пальца на левой руке, которая висела прямо над столом.

Брызнула горячая, живая алая кровь. Преодолевая сопротивление чужой руки на своем горле, Нина с силой прижала окровавленный палец в самый центр черной спирали на желтом листе, размазывая свою кровь по бурому перекрестью замкнутых домов и запечатывая последний зазор между мирами.

В то же мгновение по кухне будто ударила беззвучная взрывная волна. Синий язычок свечи на блюдце взметнулся под самый потолок и тут же погас с тихим хлопком, а лампочка под абажуром ярко и ровно вспыхнула привычным желтым светом.

Ледяные тиски на горле Нины разом разжались. Вывихнутая челюсть Егора со стуком захлопнулась, его тело потеряло всякую чудовищную упругость и тяжело, как пустой мешок с костями, рухнуло боком на кухонный линолеум между столом и холодильником.

Нина сползла по дверце шкафчика на пол, судорожно, со свистом втягивая воздух ушибленной гортанью и прижимая к груди проколотый палец, из которого на халат капала кровь. На кухне стояла оглушительная, звенящая тишина, в которой спустя полминуты вдруг деловито заурчал оживший холодильник, а от чугунной батареи под окном снова потянуло нормальным живым теплом.

Лежавший на полу Егор тихо застонал, медленно перевернулся на спину и открыл глаза. В его взгляде больше не было ни стеклянной неподвижности, ни мертвой пустоты, а сине-багровые пятна на скулах начали бледнеть на глазах, уступая место обычной болезненной бледности смертельно уставшего человека.

— Все кончено, Нина, вы успели, я больше не слышу его внутри себя, там наконец-то тихо, — еле слышным, дрожащим от слабости шепотом произнес он, глядя на нее снизу вверх с такой бесконечной, собачьей благодарностью, что у Нины от нервного потрясения из глаз брызнули горячие слезы облегчения.

Она сидела на полу рядом с ним, плакала навзрыд и баюкала свою раненую руку, искренне веря, что только что совершила чудо и замуровала древнее зло в каменном мешке, и даже не подозревала о том, что старуха Клавдия никогда не писала в своей черной тетради заклинаний для спасения, а оставила на последней странице древний обряд добровольной передачи гнезда новой хозяйке, скрепленный ее собственной живой кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.